

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук АПЕНКО Михаила Сергеевича на тему:
«Царская власть и локальные элиты в эллинистическом Египте
III в. до н.э.: проблемы взаимодействия»
по специальности 5.6.2. Всеобщая история**

Птолемеевский Египет изучен лучше других эллинистических государств, что объясняется обширностью источниковой базы по его истории, включающей в себя разнообразные и относительно обильные материалы, прежде всего, двух категорий: папирусы на греческом языке и различные материалы собственно египетского происхождения. Без глубокого знания и активного использования последних сегодня попросту невозможно создание содержательной работы, посвященной какому бы то ни было аспекту истории державы Лагидов. В последние десятилетия количество исследований по этой проблематике растет буквально по экспоненте, но в отечественной науке их число по-прежнему невелико. Исходя из этого, актуальность и одновременно новизна рецензируемой диссертации Михаила Сергеевича Апенко состоят прежде всего в том, что она, будучи написана на русском языке, предлагает оригинальные формулировки и постановки важнейших вопросов, активно дискутируемых во всей мировой науке (египтологии и эллинистических исследованиях), и предлагает новые их решения.

Работа посвящена всестороннему рассмотрению важнейшей для понимания сути эллинизма проблеме – выяснению сущности и особенностей взаимоотношений греко-македонской и местной элит в одном из крупнейших государств эллинистической ойкумены. Не будучи египтологом, я не берусь квалифицированно оценивать собственно «туземную» составляющую диссертации, но, естественно, выскажу свое мнение относительно того, в какой мере представленный автором материал и сделанные им выводы соответствуют моим представлениям об эллинизме.

Разбор текста введения диссертации, пожалуй, будет более детальным, чем это обычно бывает. Большинство «технических» моментов (актуальность

и новизна, объект и предмет, цель и задачи исследования и др.) сформулированы автором четко и никаких вопросов не вызывают. Положения, выносимые на защиту, как показывает дальнейший анализ, хорошо продуманы и надежно обоснованы. Однако определенные возражения могут быть высказаны относительно того, как обозначена автором методологическая основа исследования. Упоминания общенаучных историко-сравнительного и историко-генетического методов здесь явно недостаточно, а методика У. Рёсслер-Кёллер относительно установления позиции представителей египетского жречества по отношению к династии Птолемеев, напротив, носит весьма специализированный характер, и ее едва ли можно считать «универсальной» (о чем см. далее). Если же говорить о методологии исследования, то здесь могло найтись место и теории элит, и проблеме «Восток – Запад». Работа построена в основном на детальном изучении данных египетской и греческой эпиграфики, определенное место в ней занимают и грекоязычные письменные источники. Как кажется, в обзор источников следовало бы включить и археологические материалы: помимо гробниц египетских жрецов, автор неоднократно упоминает статуи, объекты мелкой пластики из различных музейных собраний и пр., которые являются для него весьма ценными носителями информации, но никак здесь не охарактеризованы.

Историографический обзор подробен и обстоятелен; список использованной литературы вполне представительен и включает в себя работы на русском и основных европейских языках. Вероятно, исходя из необъятности птолемеевской проблематики, учесть все исследования, которые в него могли бы быть добавлены, попросту невозможно, но я ограничусь двумя, на мой взгляд, весьма известными и к тому же имеющими самое непосредственное отношение к теме исследованиями англоязычными монографиями: это до сих пор не устаревшая книга Л. Моорена о придворной просопографии державы Лагидов (1975), а также новая (2020 г.) коллективная работа по эпиграфике птолемеевского Египта под редакцией А. Боумэна и Ч. Кроутера. Станным, помимо этого, выглядит отсутствие в данном разделе обстоятельной характеристики

концепции, сформулированной относительно анализируемой проблематики И.А. Ладыниным. И дело здесь не только в том, что ссылки на его работы (а в списке используемой литературы их значится почти два десятка) встречаются в диссертации, пожалуй, чаще всего. Важнее другое: и хронологически, и тематически работа М.С. Апенко является практически прямым продолжением докторской диссертации И.А. Ладынина, и пройти мимо этого факта кажется совершенно неоправданным. Возможно, причина кроется в личной и научной скромности научного руководителя, но ее, на мой взгляд, в данном случае следовало бы преодолеть. И второй момент. Русскоязычная историография по этой проблематике не слишком обширна, и ее можно было бы значительно расширить за счет использования работ А.Л. Зелинского. Это, разумеется, отнюдь не самоцель. Киевский исследователь написал немало работ по истории державы Лагидов в III в. до н.э.; далеко не со всеми его подходами и конкретными выводами можно согласиться, однако же им была сформулирована концепция, согласно которой внутренняя политика дома Птолемеев была, так сказать, триединой: ее объектами были македонская военно-политическая элита, граждане Александрии и других (немногочисленных) полисов Египта и, разумеется, собственно египтяне. М.С. Апенко же, вслед за И.А. Ладыниным, «греко-македонян» трактует какую единую общность, и такой подход, наверное, следовало бы обосновать, особенно если предоставляется возможность сделать это «от противного». Во введении следовало бы также оговорить необходимость написания Приложений, содержащих важные просопографические данные (в автореферате о них не сказано вообще).

Все вышесказанное позволяет сформулировать основное критическое замечание: оно касается структуры исследования. Мне кажется, что богатый и содержащий немало нюансов материал по источникам, историографии и методике следовало бы вынести в отдельную главу. Это позволило бы, с одной стороны, несколько «разгрузить» само введение, с другой – более целенаправленно рассмотреть важные теоретические вопросы. Работе можно было бы придать бóльшую глубину, если привести анализируемый в ней конкретный

источниковый материал в определенное соотношение (вовсе не обязательно в прямое соответствие) с наиболее авторитетными в современной науке концепциями относительно характера социально-политических систем эллинистического мира: построениями К. Хабихта касаясь господствующего общества в эллинистических монархиях, идеями о «колониальном» характере державы Птолемеев, взглядами П. Бриана на доминирующий этнокласс, сформулированными, кстати, как раз на основе материала, связанного с персидским и раннеэллинистическим Египтом (на последнюю работу диссертант ссылается один раз и в ином контексте). М.С. Апенко так или иначе затрагивает все эти вопросы, но дает ответы на них, как правило, на уровне фактологических констатаций, пусть и хорошо обоснованных. Хотя объем исследования достаточно солиден, его расширение за счет введения дополнительного раздела (и, соответственно, добавления выводов в заключение) не стало бы критическим, а содержательность – явно повысилась бы. Впрочем, я не исключаю, что это практически целиком вопрос вкуса. Равным же образом я не настаиваю категорически на возможной перестановке глав, которая все-таки, как мне кажется, придала бы работе большую логическую стройность. Мне видится, что 4-я глава, посвященная становлению и развитию царского культа Птолемеев, лучше бы смотрелась после 2-й главы, об особенностях презентации египетской власти династии, составляя с ней смысловое единство. В свою очередь, после такой «рокировки» рядом бы оказались и две тематически максимально близкие главы, описывающие роль и функции жреческих синодов, а также позиции отдельных представителей жречества по отношению к правящему дому.

В целом же материал в основной части исследования собран, систематизирован и проанализирован, на мой взгляд, практически оптимальным образом. Работа состоит из пяти глав, выделенных по проблемному принципу. Каждая из них завершается сжатыми выводами.

В первой главе дан обзор правящей элиты державы Лагидов – как египетского, так и греко-македонского происхождения. Он охватывает основные звенья административно-управленческого аппарата и военно-политического

руководства. На основе просопографического анализа автор приходит к выводу, что египтяне были наиболее полно представлены только среди царских писцов, тогда как, к примеру, в армии их роль была незначительна вплоть до битвы при Рафии в 217 г. до н.э. В такой ситуации естественным образом происходит консолидация местных элит вокруг жречества, сохранившего свои позиции после греко-македонского завоевания долины Нила. Этот материал служит надежной фактологической базой для проведения последующих изысканий.

Вторая глава, содержащая три параграфа, анализирует религиозно-идеологические практики Птолемеев, направленные на обретение ими легитимности и популярности в среде местного населения. В то же время деятельность в этом направлении позволяла им не принимать личного участия в египетских ритуалах и определенным образом была понятна также и греко-македонскому населению царства.

В третьей главе автор рассматривает всю доступную информацию относительно деятельности жреческих синодов, созданных Птолемеем III на основе существовавших ранее собраний египетских жрецов и ставших важнейшим органом коммуникации между царской властью и локальными элитами. Их деятельность была направлена на то, чтобы наделить каждого монарха необходимой сакральностью в глазах местного населения, что придавало эффективность их правлению. Вместе с тем, М.С. Апенко не считает нужным говорить в связи с деятельностью синодов о «египтизации» власти Птолемеев, как это делают некоторые исследователи, поскольку все эти процессы затрагивали скорее форму, нежели содержание их господства в стране.

Четвертая глава посвящена всестороннему рассмотрению династических культов Птолемеев в египетской среде. У основателя династии собственного культа еще не было; Птолемей II вводит почитание «богов-адельфов», своей обожествленной сестры Арсиной и «Сокола-Нектанеба», а наиболее значительным рубежом в этом направлении стала деятельность Птолемея III,

учредившего культ «богов-эвергетов» и проведшего ряд других важных религиозных реформ. Рассмотрение нововведений Птолемеев в религиозной сфере удачно увязывается автором с обозначением внешне- и внутривосточной канвы, характеризующейся постепенной утратой Египтом лидирующего положения в эллинистическом мире, которым он обладал при Птолемеях II и III, что, впрочем, не мешает ему объективно оценивать и деятельность не столь выдающихся правителей династии под номерами IV и V.

Пожалуй, наиболее новаторской и по-хорошему провокативной является заключительная глава исследования, в которой известные нам по эпиграфическим памятникам египетские жрецы группируются по степени лояльности к династии в зависимости от особенностей упоминания (или – неупоминания) в текстах их «автобиографий» царствующих особ с соответствующими эпитетами. Честно говоря, мне, не являющемуся специалистом в этом узком вопросе, данный метод не кажется стопроцентно надежным: насколько можно судить, тексты из жреческих гробниц достаточно разнообразны, далеки от единого формуляра и как будто бы оставляют возможности для различных интерпретаций. Равным образом я не без подозрения отношусь к, без сомнения, исключительно красивой гипотезе о возможной будто бы скрытой нелояльности к македонской династии со стороны знаменитого Манефона Севеннитского: как-то сложно поверить, что у него, находившегося непосредственно при птолемеевском дворе, могло возникнуть желание «подергать льва за усы». Но в любом случае проводимый М.С. Апенко анализ выглядит исключительно интересно и открывает возможности для далеко идущих выводов.

Каких-бы то ни было фактологических ошибок и неточностей в тексте мне обнаружить не удалось – может быть, это следствие моей невнимательности и/или недостаточной квалификации в теме, но, возможно, их просто нет или очень мало. М.С. Апенко во всем тексте исследования постоянно демонстрирует высокий профессионализм в работе с греческими и особенно египетскими текстами (хотя, вероятно, египтологи найдут какие-то неточности и

спорные места в переводах и трактовках текстов; мне же импонирует стремление диссертанта постоянно подбирать максимально точный эквивалент ключевых терминов и понятий). Особо отмеченной должна быть способность автора вести научную полемику, в том числе и с признанными мэтрами мировой науки. М.С. Апенко глубоко проникает в суть существующих концептуальных построений, на основе детального анализа источников и реконструкции их исторического контекста часто уточняет отдельные немаловажные детали, ранее либо не привлекавшие внимания, либо трактовавшиеся не вполне адекватно. В результате ему удастся создать целостную, яркую, многообразную и убедительную картину взаимоотношений Птолемеев с египетскими элитами, прежде всего со жречеством. Проливается новый свет на многие критические моменты истории державы Лагидов в кон. IV – перв. пол. II в. до н.э., в том числе связанные с нелояльностью, недовольством, волнениями и восстаниями местного населения, которые при выборе иной системы исследовательских координат могли бы остаться незамеченными или неверно понятыми. В то же время автор наглядно представляет перед читателем эволюцию религиозной политики первых пяти Птолемеев, направленной на установление «точек соприкосновения» с местным населением и, прежде всего, знатью.

В заключении подведены итоги и сделаны основные выводы исследования. Достоверность последних обеспечена тщательным анализом источников различных категорий и корректной интерпретацией полученных данных, доскональным знанием научной литературы, строгой логичностью аргументации. Можно констатировать, что в результате мы получили оригинальное, самостоятельное, глубокое исследование, вносящее существенный вклад в мировую историографию эллинизма.

Работа написана прекрасным языком, пожалуй, можно говорить даже об узнаваемом авторском стиле. Сложный материал в ней излагается не только просто и ясно, – настолько, что оказывается доступен человеку, не особо сведущему в египтологии, но и поистине увлекательно. Стилистические и пунк-

туационные ошибки, опечатки, неточности в греческой диакритике, тавтологии (отмечу все-таки две таковых – «место всей местной элиты» на с. 21 и «личные имена лиц» на с. 28) в ней весьма редки и абсолютно не портят общего впечатления. Представляется, что диссертация имеет все шансы в течение относительно недолгого времени быть переработана в полновесную и содержательную монографию; насколько помнится, такого вердикта на защитах кандидатских лично я за 20 с лишним лет не выносил ни разу.

В дополнение к изложенным ранее замечаниям относительно структуры работы, носящим по большей части рекомендательный характер, выскажу еще несколько незначительных претензий. Неудачной выглядит многократно повторяемое М.С. Апенко выражение «источники официальной пропаганды» (оно поясняется на с. 10). Оно провоцирует читателя, буде он нечетко различает *genetivus subiectivus/obiectivus*, на совершение логической ошибки. Спутав вопросы «какие?» и «чего?», можно подумать, будто бы речь идет о чем-то, что породило официальную пропаганду, потому более адекватным кажется другая формулировка, также встречающаяся в работе – «тексты официальной пропаганды». Оформление списка источников и литературы, неожиданно и к сожалению, дает основания включить режим «редактора-зануды». Диссертант как будто бы запутался в списках различных сокращений, источников и исследований, в результате чего ссылается на некоторые из них по два раза. В то же время про античных авторов, чьи труды используются в работе (Геродот – особенно часто, а также Полибий, Диодор, Павсаний, Плутарх, Юстин), он, к сожалению, просто позабыл: в списке источников их нет. В библиографическом оформлении режет глаз неизменная точка перед двумя косыми чертами. Но всё это, по сути, мелочи, которые абсолютно не влияют на общую сугубо положительную оценку работы.

Все вышесказанное позволяет заключить, что диссертация М.С. Апенко в полной мере отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к квалификационным работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности

5.6.2. Всеобщая история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Она оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, подводя итог, необходимо заключить: соискатель Апенко Михаил Сергеевич, вне всяких сомнений, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук,
Профессор, профессор кафедры истории Древнего мира
Института восточных культур и античности
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

ГАБЕЛКО Олег Леонидович

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
07.00.03 – Всеобщая история

Адрес места работы:
125047, Москва, Миусская площадь, д. 6.
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
Тел.: 8 (495) 250-61-18; e-mail: rsuh@rsuh.ru

Подпись сотрудника кафедры всеобщей истории ИВКА
О.Л. Габелко удостоверяю:
руководитель/кадровый работник

И.О. Фамилия

18.11.2024